

Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская.

(По подлиннымъ неизданнымъ письмамъ) ¹⁾.

XII.

Слухъ о загадочныхъ отношеніяхъ болѣзненнаго, простаго, съ трудомъ окончившаго семинарію, монаха съ богатой аристократкой высшаго круга и о Юрьевомъ монастырѣ, какъ блиставшемъ драгоценностями и великолѣпиемъ, далеко прошелъ по Россіи; монастыремъ интересовались даже за границей. Нѣкоторые иностранные гости, проѣздомъ въ тогдашнія наши военныя поселенія, заглядывали и въ Юрьевъ изъ любопытства, какой такой особенный монастырь, которому настоятель далъ имя «рай земной». «Вчера, — писалъ Фотій 20-го мая, — съ кн. Шаховскимъ былъ французскій посланникъ въ обители и былъ въ соборѣ св. Георгія, въ ризницѣ и главѣ и все осматривалъ и послѣ на пароходѣ съѣдши черезъ озеро въ Старую Руссу въ поселеніе отправился» (21-го мая 1829 г.). Есть также въ письмахъ свѣдѣнія и о посѣщеніяхъ Юрьева австрійскимъ посланникомъ и принцемъ Оскаромъ. «Вчера посланникъ австрійскій почти въ 6 ч. пріѣхалъ въ Ю. М. съ губернаторомъ и генералами и уѣхалъ, когда было темно. Принцъ шведскій Оскаръ былъ 21-го іюля у обѣдни» (12-го сентября 1830 г.). Такія весьма краткія данныя наводятъ на мысль, что Фотій пренебрежительно относился къ иностраннымъ особамъ, принималъ ихъ сухо, официально, лишь бы поскорѣе отдѣлаться. Не любилъ Фотій и своихъ соотечественниковъ изъ высокопоставленныхъ особъ, посѣщавшихъ монастырь. Тѣхъ, кто пріѣзжалъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“, май 1902 г.

изъ любопытства посмотрѣть на самого Фотія, послѣдній называлъ «ежами колючими», а иныхъ просто ненавидѣлъ. «Съ 31-го октября по 1-е ноября почевала кн. Вяземская на мызѣ и была у обѣдни и отъ обѣдни ко мнѣ съ нею пришли еще люди» (2-го ноября 1832 г.).

Ранѣе же объ этой княгинѣ Фотій писалъ Орловой: «Не удивляйся мачихѣ князя Вяземскаго, ибо она наказана за поношенія пасынка и за любовь къ своей харѣ. Она завидывала въ сердцѣ, почему не къ ней привязанъ пасынокъ. Это была тайна на душѣ моей, а теперь тебѣ являю» (31-го октября 1829 г.).

О пребываніи въ монастырѣ жены тогдашняго министра финансовъ графини Канкриной Фотій сообщалъ неоднократно. Хотя она нѣсколько и благоговѣла передъ монахомъ, но онъ все-таки остался ею недоволенъ. «Были вчера Канкринна, Сухарева и прочихъ челоувѣкъ еще 5. Канкринна жаловалась на нездоровье, я ей совѣтовалъ св. посты хранить, она взялась за сіе; велѣлъ ей добрѣйшій Богу возжигать и далъ ей въ благословеніе св. образъ. Всю службу стояли и у меня въ кельяхъ долго были» (29-го октября 1832 г.). «Я забылъ Канкриной сказать, чтобъ табакъ не нюхала, ибо она ходила по собору Георгіевскому и табакерку носила въ рукахъ. О, соблазнъ! Это не богомоленіе въ обитель пріѣзжать, а одинъ соблазнъ» (31-го октября 1832 г.).

Бывали у Фотія и добрыя отношенія къ людямъ, но большею частью внѣшнія, показныя и преимущественно къ тѣмъ, которые могли подставить ему ногу. Напр., къ Жеребцову, занимавшему постъ новгородскаго губернатора, онъ относился хорошо. Но когда Фотій получилъ свѣдѣніе о самоубійствѣ Жеребцова, то далъ о немъ весьма неслестное мнѣніе: «Жеребцовъ, отецъ жены гр. Алексѣя Орлова, былъ злѣйшій франкъ-масонъ, и ложа была у него, называемая Георгія Побѣдоносца, и всѣ масонскіе ордена имѣлъ. Такая ему варвару и смерть. Злый злѣй и умеръ, смерть грѣшниковъ люта» (7-го сентября 1832 г.).

Всякую людскую похвалу Фотій принималъ за чистую монету и не допускалъ въ ней лстивости. Кто умѣлъ лстить ему, тотъ былъ у него въ фаворѣ и пользовался всѣми благами. Губернаторъ Денферъ превозносилъ Фотія прямо въ глаза ему и за то имѣлъ чрезъ него протекцію по службѣ, хотя впоследствии былъ обруганъ покровителемъ всачески по той причинѣ, что не держалъ сторону Фотія по дѣлу объ удаленіи Юрьевской слободки отъ монастыря¹⁾. «Да прошу тебя и молю, напомни брату Алексѣю объ награжденіи нашего губернатора; ужели и нынѣ ему не будетъ награжденія, онъ уже болѣе 5 лѣтъ губернаторомъ» (14-го августа 1831 г.). «Въ Новгородѣ болѣе 700, а въ

¹⁾ Объ этомъ будетъ въ послѣдующей главѣ.

Старой Руссѣ болѣе 4.100 забрано поселянъ. Царь самъ навѣсилъ звѣзду Слезкѣ (губернатору Денферу). Вотъ какъ царь милъ и праведенъ. Губернаторъ летаетъ на крыльяхъ радости, какъ птица» (19-го октября 1831 г.).

«Вчера прилетѣлъ и нашъ губернаторъ, я его со всею братію поздравилъ въ залѣ» (20-го октября 1831 г.).

Особенно Фотій былъ расположенъ къ вице-губернатору Смирнову; онъ усиленно старался выхлопотать ему движеніе по службѣ. «Ты знаешь вице-губернатора нашего, онъ твой знакомый и мой и Алексію. Я тебѣ скажу вотъ что; не можно бѣ лучше обрѣсти человѣка въ товарищи министру (Канкрину). Большая бѣ польза была какъ-нибудь ему помѣститься по сей части въ Спб. Но сохрани Боже отъ такихъ людей, каковы Дубенскій и другіе. Сдѣлай милость прими вице-губернатора Смирнова и вели Алексію непремѣнно его принять, надобно сего человѣка найти, мало такихъ въ вышнемъ свѣтѣ, безъ примѣси и церкви и царю преданныхъ и проворныхъ; я тебѣ его вручаю я Богу» (3-го февраля 1836 г.).

Очевидно, ходатайство за Смирнова на этотъ разъ не удалось, и Фотій вскорѣ прочитъ его уже на другое мѣсто. «Вотъ случай моего писанія самый нужный. Владимірскій губернаторъ въ отставку выходитъ, а желаетъ поступить туда нашъ духовный родственникъ Смирновъ. Буде не поздно, приложи все стараніе» (17-го апрѣля 1836 г.). Придавая важность своимъ хлопотамъ, Фотій пишетъ графинѣ въ этотъ же день другое письмо, помѣчая его «12-й часъ по полуночи». «Прими его жену по нашей крестницѣ и, буде можно, накорми обѣдомъ, Бога ради не опоздай, а позови къ себѣ брата и поручи ему все».

XIII.

Среди іерарховъ православной церкви Фотій сходилса съ тѣми, которые обращались къ нему за совѣтомъ, помощью, протекціей, которые унижались, считали себя ниже, хотя были поставлены по службѣ выше. Приведемъ въ примѣръ Филарета казанскаго, у котораго случилась какая-то исторія, дошедшая до Синода и грозившая ему большою неприятноcтью. Филаретъ послалъ графинѣ Орловой письмо, молилъ о защитѣ и просилъ посовѣтоваться съ Фотіемъ. Гордась авторитетностью, Фотій принялъ въ Филаретѣ горячее участіе. «Письмо Филарета казан. преосвящ. я получилъ и читалъ и прошу у тебя сей милости: 1) постарайся подлинное письмо его императору показать, дабы онъ прочелъ и

знать, а я копию списалъ съ онаго, 2) что вибудь подарить ему послѣ подачи и прочтенія письма А. П. ¹⁾. Сіе письмо Филарета при семъ обратно тебѣ посылаю для врученія А. П., ежели случай будетъ. Похвалить нужно и людямъ таковое дѣло Филарета поставить на видъ. Сего Григорію не сдѣлать и В. ²⁾ скажи обо всемъ подробно и, на случай копии списавъ, держи для показанія кому-либо прочесть» (27-го сентября 1829 г.). Прошу тебя, хвали ты каз. Филарета А. П. и А. К. Не онъ виноватъ, а П. Потщися о немъ, онъ тебя любитъ. Помни слово мое, о, святая душа, Анна, чадо мое милое. Буди ангель ты Б. во плоти» (изъ письма 28-го сентября 1829 г.). Исторію съ Филаретомъ приписываетъ Фотій проискавъ П. на томъ основаніи, что этотъ П. дѣлалъ непріятности и самому Фотію.

Фотій даже ожидалъ къ себѣ на поклонъ извѣстнаго митрополита московскаго Филарета (Дроздова), когда послѣдній бывалъ въ Новгородѣ. «Завтра ожидаемъ Филарета въ Новгородъ, и я думаю, что авось либо заѣдетъ въ Юрьевъ монастырь. Онъ наказывалъ чрезъ Агришпу, что желаетъ со мной видѣться» (15-го мая 1829 г.). «Сегодня 16-го мая, ожидаемъ М. М. (митрополита московскаго) Филарета въ Новгородъ» (16-го мая 1829 г.). «Вчера ѣздили для встрѣчи В* ³⁾, но получилъ письмо отъ Суслова, что 17-го будетъ въ Новгородѣ, то и готовлюсь видѣть его. В** ⁴⁾ велѣлъ представляться ему всѣмъ настоятелямъ и настоятельницамъ» (17-го мая 1829 г.). Филаретъ былъ въ Новгородѣ, но въ Юрьевъ не заѣхалъ и тѣмъ, конечно, раздражилъ Фотія. «17-го мая былъ въ Новгородѣ В., и приемъ ему былъ прекрасный, ко мнѣ весьма былъ ласковъ, но не былъ въ Юрьевѣ». (18-го мая 1829 г.).

Къ слѣдующему пріѣзду Филарета юрьевскій архимандритъ относится уже холодно, даже не ѣдетъ для встрѣчи, маскируя это обстоятельство причинами, будто бы отъ него не зависящими. «У насъ преосв. Филарета ждуть, ибо онъ, какъ пишетъ Стариковъ, выѣхалъ 27-го сентября, а нѣкто сказалъ, будто бы 26-го въ 4 часа, около вечерни. Итакъ твое письмо не застанетъ его уже въ Москвѣ» (1-го октября 1829 г.). «Сейчасъ, 2-го октября, по утру, въ 5 часовъ, получилъ извѣстіе, что московскій Филаретъ 1-го октября, по вечеру, въ 7 час. пріѣхалъ и 2-го въ 6 час. уѣзжаетъ. Вѣтеръ пресильный, водой ѣхать невозможно, да и не поспѣтъ уже застать его. Дороги ни прямо, ни кругомъ вовсе нѣтъ почти. Итакъ, уповая на Вышняго, я остался дома, храня здравіе, ко-

¹⁾ Императору.

²⁾ Митрополитъ Серафимъ.

³⁾ В*—митрополитъ московскій Филаретъ.

⁴⁾ В**—митрополитъ Серафимъ.

торое я непременно долженъ повредить, ежели выѣхать сегодня въ городъ и кое-какъ гѣша и водою тащиться. А при томъ же викарій по ненависти своей ко мнѣ не далъ знать» (изъ письма 2-го октября 1829 г.).

Такъ какъ Филаретъ ѣздилъ въ Петербургъ, то Фотій писалъ графинѣ въ оправданіе. «Сдѣлай милость, объясни В., что я уже 2 недѣли караулилъ его пріѣздъ и не удостоился его видѣть при всемъ желаніи моемъ и чтобъ онъ меня извинилъ» (3-го октября 1829 г.).

Пославъ такого содержания письмо, Фотій обдумалъ свою нетактичность къ видному ученому іерарху и вслѣдъ за симъ послалъ другое, въ одну строчку. «Я ѣздилъ въ городъ и В. уже не засталъ» (3-го октября 1829 г., 3-й часъ по полудни).

Въ слѣдующемъ году Филаретъ опять былъ въ Новгородѣ. Въ этотъ разъ Фотій видѣлся съ нимъ, работничествовалъ, ухаживалъ за нимъ, но напрасно—Филаретъ не заѣхалъ въ Юрьевъ. «Я служилъ литургію и во время оной мнѣ речено въ ухо, что М. М. Филаретъ въ Новгородъ пріѣхалъ и такъ я сряду послѣ службы полетѣлъ къ нему на благословеніе,—былъ весьма ласковъ. Архіерея не было въ городъ и кушавъ съ нимъ я простався, проводилъ до кареты въ путь, и онъ въ 2 ч. уѣхалъ» (16-го мая 1830 г.).

Но когда Филаретъ снова посѣтилъ Новгородъ въ 1832 г. и не заѣхалъ въ Юрьевъ, Фотій заключилъ, что владыка пренебрегаетъ имъ. «Вчера въ Новгородъ пріѣхалъ М. Филаретъ, около 8-го часа и пробылъ до 3 часовъ, но не былъ у смиреннаго Фотія. Видно, онъ такъ высокъ, что не могъ, подражая Богу, преклониться съ небесъ на землю къ человѣкамъ, преклониться съ высоты къ низкости Фотіевой. Азъ же ему ни кареты не послалъ и ничто же не дѣлалъ. Можетъ быть, онъ и ждалъ экипажа или меня. Вотъ проба, есть ли въ В. любовь или гнѣвъ. Нѣсть въ нихъ любви истинны» (23-го мая 1832 г.).

Сочувствуя огорченію Фотія относительно непосѣщенія Филаретомъ Юрьева, графиня постаралась увидать послѣдняго въ Петербургѣ и просила обласкать заѣздомъ архимандрита. Онъ далъ ей слово. На этотъ разъ Фотій болѣе чѣмъ когда-либо приготовился къ встрѣчѣ Филарета. Однако, митрополитъ, бывъ въ Новгородѣ, все-таки не заѣхалъ въ Юрьевъ.

Тогда огорченный Фотій писалъ графинѣ: «Въ субботу, 26-го мая, весь день намѣстникъ ждалъ съ каретою В. въ городъ до 8 ч. ночи. А я сдѣлался нездоровъ отъ хлопотъ, такъ что 27-го, въ воскресенье, не могъ служить. В. пріѣхалъ поутру 27-го въ 7 ч. и былъ до 3 ч. по-полудни, но не пріѣхалъ, обманулъ тебя». (22-го мая 1834 г.).

Весьма естественно, что Фотій долженъ бы быть со своимъ начальствомъ болѣе чѣмъ съ кѣмъ-либо мягокъ, не не тутъ-то было. Въ на-

чальствѣ онъ видѣлъ своихъ клеветниковъ, домогавшихся его униженія, огорченія, высылки изъ «земнаго рая» и даже уничтоженія. Такъ онъ велъ вражду съ мѣстнымъ викаріемъ Тимоѳеемъ, въ которой заключалось не мало рѣзкихъ и грубыхъ эпитетовъ. «Викаріѣй весьма ко мнѣ плохъ. 27-го сентября я пришелъ къ нему для благословенія, онъ принялъ съ сердцемъ великимъ: лицо было красное, пьяное и глаза красные, какъ будто съ большаго запоя. Словомъ сказать, въ не порядкѣ бывъ; принялъ меня и отпустилъ худо—хуже прежняго. Да, скажи Алексѣю Ѳедоровичу (Орлову), чтобы онъ въ случаѣ предъ А. П. ¹⁾ замолвилъ слово, что съ похмѣлья или отъ чего другаго пакости дѣлаеть Тимоѳеей. Когда Богъ избавить отъ него Новгородъ» (28-го сентября 1829 г.). «Я слышалъ, что викарію очень противно, что я засѣдаю въ консисторіи и благочиннымъ. Мнѣ кажется, что на свѣтѣ для меня хуже не будетъ человекъ. Сіе меня веселить, онъ мнѣ сказалъ самъ въ глаза, что будто бъ В. такъ о мнѣ худо внушилъ, что нужно меня преслѣдовать. Самъ мнѣ сіе говорилъ. Еслибъ я увидѣлъ теперъ В., то бы ему сіе сказалъ» (2-го октября 1829 г.).

Дѣйствительно, митрополиту Серафиму были уже даны нехорошія вѣсти о Фотіи. Послѣдній, конечно, чрезъ графиню, прикидывался предъ владыкой невиннымъ страдальцемъ. «Ахъ, какъ мнѣ жаль, что А. К. ²⁾ доселѣ немоцствуетъ; увѣдомляй ты меня о ея здравіи подробно. Спаси ее Господи и помилуй. Я тебѣ скажу, что викаріѣй не съ однимъ со мною худо поступаетъ, а почти со всѣми. Богъ съ нимъ. Я всегда его удаляюсь, ибо злобенъ. Но при случаѣ ты В. скажи, что я привыкъ всѣ горести давно терпѣть и для меня есть паче удовольствіе, нежели скорбь отъ обиды, лишь бы словомъ и дѣломъ было то, а не бумагами незаконными и глупыми. Монахъ для того и монахъ, что скорби всегда всѣ долженъ терпѣть Бога ради» (5-го октября 1829 г.).

Три дня спустя, Фотіѣ, въ доказательство того, что викаріѣй обращается дурно и съ другими чинами духовнаго вѣдомства, описываетъ графинѣ такой случай: «Вчера, 7-го числа, сижу въ консисторіи, и вдругъ ректоръ входитъ въ оную съ лицомъ очень краснымъ. Я ему сказалъ, — вѣрно ты былъ у Тимоѳееа? И онъ мнѣ сказалъ: «грызъ, какъ собака меня». За что же? Барка хлѣба стоитъ подъ монастыремъ, хозяинъ принуждаетъ купить, а Т. говоритъ, что изъ каждаго куля надобно взять муки и опробовать, хороша ли, испекиши. Скажи, чадо, кто дастъ изъ каждаго куля на пробу взять для печенія, а ему ректору для семинаріи нужно купить кулей, можетъ быть, и до 500. Каковъ же разсудокъ» (8-го октября 1829 г.).

¹⁾ Императоромъ.

²⁾ Императрица.

Викарій Тимоеей собиравъ противъ Фотія документы и увѣдомилъ объ этомъ митрополита. Графиня предупредила Фотія, но онъ ничуть не смутился. «Молю тебя и умоляю, чадо мое, не огорчайся ни на кого, что есть какія-то бумаги у Т. Это все къ лучшему. Виждь, какъ Богъ меня исхищаетъ изъ рукъ Т.» (12-го октября 1829 г.).

Полагая, что заступничество графини уже воздѣйствовало на митрополита, Фотій писалъ съ какимъ-то злорадствомъ. «Слышу и замѣчаю, что Т. голову повѣсилъ, сказать не можно, какъ зла много дѣлалъ и грозился сдѣлать, а теперь видно ему наставленіе прислано. Пусть самъ проглотить» (16-го октября 1829 г.).

Можетъ быть, викарій и повѣсилъ голову отъ какого-нибудь замѣчанія свыше, но это болѣе его озлобило; онъ дѣлалъ свое дѣло—пустилъ въ ходъ документы. Серафимъ обратился къ графинѣ съ вопросомъ, чѣмъ такое дѣлаетъ вашъ духовный отецъ. Конечно, все это было тотчасъ же передано Фотію. «Теперь я тебѣ опѣшу принести благодарность за сообщеніе о мнѣ нужнаго. Господи Боже нашъ! Какъ можно архіерею такъ клеветать на меня, отъ котораго онъ никогда такихъ глупостей не услышитъ. Господи Боже нашъ! Нечего было выдумать, то нужно было безстыдно писать, дабы яти меня местию и клеветою и мучити. Потому не удивляюсь клеветѣ, что свойственно есть человѣческому роду гнать, но удивляюсь сану великому отъ лжи побѣждаему. Нѣтъ, нѣтъ я лгать не хочу ни въ какомъ случаѣ такъ безстыдно, и избави и изми мя, Господи, отъ такого зла» (24-го октября 1829 г.)

Какъ ни разыгрывалъ Фотій страдальца подъ гнетомъ клеветы, какъ ни оказывалъ свою смиренность, но злоба пробивала брешь въ смиреніи и въ Тимоеея также летѣли стрѣлы, хотя косвенно, чрезъ графиню и Серафима. «Прѣѣзжая ректоръ изъ Спб. заѣхалъ къ викарію Т. и сказалъ, что ему митрополитъ посылаетъ благословеніе, и той сказалъ ректору: «не вѣрю, митрополитъ на меня сердитъ, да я и писать къ нему не хочу». Ректоръ сказалъ: «а вамъ писать должно, хотя бъ онъ и не отвѣчалъ». Сказалъ ему викарій: «Я на одного Бога надѣюсь и не хочу отъ него ничего». Вотъ и не оказавши услугъ и дѣлъ благихъ, дакъ В. трактуеть; а посему что же можно намъ съ нимъ дѣлать. Всѣ его бѣгаютъ, и я уже по примѣру всѣхъ бѣгаю» (8-го ноября 1829 г.). Продолжая доносить на викарія, Фотій не упускалъ изъ виду даже мелочь, которая бы могла дурно вліять на пастырское положеніе Тимоеея. «Сдѣлай милость, скажи В., что викарій меня насильно принуждаетъ жертвовать на тюремное общество и быть членомъ. На бумагу г. губернатора я отказался вовсе, а онъ меня бранить, что я примѣра не подаю къ толь великому и св. дѣлу. И дажь резолюцію всѣхъ вообще пригласить и всѣмъ указы послать, но въ этомъ есть добрая воля каждаго. Право, горе служить съ такимъ человѣкомъ» (14-го мая 1831 г.). «Во-

образы, какъ викарій меня ненавидитъ, что при всякомъ случаѣ испытаніе мнѣ дѣлается, и я за книгами вчера посылалъ о. игумена Никона, и онъ болѣе 3 часовъ держалъ, всячески терзалъ по мнѣ, дабы что свидѣтельствовалъ на меня, но не успѣлъ, ибо Никонъ старецъ преданъ мнѣ о Христвѣ.» (21-го мая 1831 г.).

Доносы Тимоеея поднимали у Фотія бурю негодованія. Однажды онъ писалъ графинѣ: «Единожды навсегда знай, что онъ, викарій, мнѣ не отецъ, а я ему не сынъ, за лукавое секретное писаніе къ моему стыду, которое онъ писалъ къ Парфенію. Ежели бъ не боялся Бога, то бъ я ихъ назвалъ въ горести души Каиафа и Анна, два тѣ архіерея, которые Христа отдали на смерть» (19-го апрѣля 1833 г.).

Всѣ козни, какъ съ той, такъ и съ другой стороны были подпольныя. Лично монахи уступали другъ другу, и казалось, что между ними какъ будто нѣтъ ни сучка, ни задоринки. «Викарій присылалъ звать меня въ Хутынь на праздникъ къ Варлааму Хутынскому» (5-го іюня 1830 г.). Фотій охотно принялъ приглашеніе и былъ на праздникѣ, любезно и даже подчиненно относился къ викарію Тимоеею.

Отношенія Фотія съ митрополитомъ Серафимомъ были довольно курьезныя. Архимандритъ то хвалитъ графинѣ Серафима, выражаетъ ему «истинную» любовь, то сейчасъ же бранитъ, поноситъ его, обличаетъ въ лицемѣрїи, пристрастїи. Потомъ приглашаетъ владыку къ себѣ, ухаживаетъ за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ, и снова бранитъ, обзывая его и глупцомъ и старцемъ, выжившимъ изъ ума. Конечно, Серафимъ, какъ главный начальникъ Фотія, немного сталъ бы разговаривать касательно отсылки его куда-нибудь подальше, но мѣшала графиня Орлова, пользовавшаяся расположеніемъ государя, государыни и двора. Графиня не мало получала упрековъ и замѣчаній со стороны свѣтскихъ и духовныхъ властей, благодаря заносчивости и разнымъ беззаконіямъ Фотія, но все-таки защищала, не давала въ обиду его, такъ какъ была всецѣло предана ему. Приведу отношенія между Фотіемъ и Серафимомъ также общія. По письмамъ они начинаются сномъ архимандрита. «Нынѣ видѣлъ сонъ я и видѣлъ тебя и В. и какъ бы мы съ тобою угощали его и ты не дождалась его угощать и надѣлась во все придворноа платье и спѣшила ѣхать къ царицѣ А. К. Платье же на тебѣ верхнее съ хвостомъ розовое свѣтлое и прочее, что при свиданїи лучше перескажу и кажется въ такомъ видѣ я случился быть и видѣлъ на праздникѣ у царицы и слышалъ пѣніе и музыку» (1-го іюня 1829 г.).

Фотій посылаетъ Серафиму въ подарокъ яблоки изъ своего сада, но цѣль имѣетъ не простодушную, а чтобы показать, какихъ результатовъ достигъ садъ, его заботами и трудами разсаженный. «Нынѣ я отправляю два ящика, 1-й съ уставомъ, а 2-й съ яблоками юрьевского сада, разныхъ сортовъ, а посему я посылаю, дабы ты или са-

мыхъ большихъ яблоковъ, сверху лежащія десятка два или болѣе, отослала къ митрополиту отъ имени моего, что я для благословенія ему представляю, дабы увидѣлъ, какія яблоки растутъ отъ саду, мною насажденнаго, оныя еще не доспѣли; можно же Алексѣю Ивановичу вручить, а онъ владыкъ. Да при свиданіи В. перескажи о всѣхъ плодахъ и яблокахъ, какіе растутъ въ Юрьевѣ. Только что въ моемъ саду осталось нѣсколько яблокъ, а вездѣ по саду братія подобрала. Такіе охотники до моихъ яблокъ» (30-го августа 1829 г.).

Пришелъ на Фотія какой-то доносъ къ Серафиму, послѣдній повѣрилъ и далъ ходъ ему. Объ этомъ графиня сообщила своему духовному отцу. «Тебѣ сказали нѣкто архіерей, что виною всему викарій. Нѣтъ викарія, какъ звѣря, токмо напустили на меня, а иначе ежели бъ Серафимъ не восхотѣлъ меня травить и язвить чрезъ него, то бы онъ и не могъ. В., живя ложью всегда, насчетъ мой обрѣлъ клеветника въ Кифѣ¹⁾, общавъ ему милости свои и мое достоиніе, и успѣлъ меня

¹⁾ Это былъ намѣстникъ Юрьева монастыря, монахъ бойкій, ловкій, отличавшійся свѣтской жизнью. Его любилъ Фотій и по заслугамъ награждалъ. «Вчера я получилъ изъ Спб. письмо, что В. набедренникъ моему намѣстнику уже на моей бумагѣ положилъ дать. И я сему весьма радъ». (20-го мая 1829 г.). Затѣмъ Кифа сдѣлался клеветникомъ и злѣйшимъ врагомъ Фотія. Дѣло въ томъ, что онъ сошелся съ викаріемъ Тимошеемъ и передавалъ ему всѣ подробности своевольныхъ дѣйствій Фотія. Послѣдній зналъ это хорошо чрезъ своихъ шпионовъ-монаховъ, но нанести какой-либо ударъ Кифѣ не могъ, изъ боязни еще больше подлить масла въ сплетни. Архимандритъ отводилъ душу только тѣмъ, что писалъ графинѣ: «Кифа у викарія живетъ и пьетъ, и ѣстъ, и спитъ трое сутки и, бывъ въ соборѣ 21-го апрѣля, сказалъ, хвастая, что онъ дѣла мои обдѣлываетъ съ викаріемъ, а индѣ хвалится, что доказалъ все на меня» (22-го апрѣля 1832 г.). Подобныя вѣсти не такъ еще волновали Фотія, но надо было видѣть его тогда, когда графиня достала ему письма, писанныя на него Кифой. «Читалъ письма клеветника сына моего, игумена Кифы, одно на меня къ секретарю В., а другое къ самому В.; читая, я одно видѣлъ то, въ чемъ и не ошибался я прежде; онъ, будучи въ обители моей, былъ Иуда предатель и другъ, и ученикъ мой, и врагъ, и ненавистникъ. Зри, мое чадо, чѣмъ онъ соблазняется: въ соблазвъ и заблужденіе, и сумасшествіе поставляетъ мнѣ, что я полунощницу, часы въ свое время правлю, хитонъ ношу, Б. М. Акафистъ служу въ свѣтлыхъ ризахъ, крестъ ношу въ рукахъ и все назвалъ въ насмѣшку чудесами, давая знать, что сіе выдумка есть такая же глупая, какъ чудеса, въ писаніяхъ упоминаемыя. Да что же еще старался и тебя тутъ же участницей быть моихъ заблужденій и страданій. Также и въ Москвѣ онъ насыалъ ложь, когда Ив. Широкой сталъ удерживать мать его, то она говорила, что кому лучше звать, какъ не мнѣ, что А. Фотій сошелъ съ ума, ибо сынъ мой уже правитъ Ю. монастыремъ и вскорѣ будетъ онаго настоятелемъ. Онъ явно указывалъ въ письмахъ, что я не въ здоровомъ смыслѣ, помѣшался и въ ереси и въ любодѣніяхъ и что у меня секта и Фотинія есть моя начальница. Мнѣ пріятно было читать въ письмахъ клеветника моего и предателя, что онъ, не воз-

Кифа В. предать и утѣшался, видя меня отца презрѣннаго и убиваемаго нравственно, а посему Серафимъ буди яко В. всему виною и Кифа яко сынъ, а викарій есть нѣчто слѣпое постороннее. Аще бъ теперь В. и горы съ мѣста переставлялъ, дѣлая чудеса, и тогда я не повѣрю, что въ немъ осталась искра любви ко мнѣ» (20-го апрѣля 1832 г.).

Написавъ обвиненіе митрополита, Фотій одумывается, какъ бы графиня не передала ему объ этомъ, не произошло бы тутъ чего дурнаго. Поэтому для Фотія было очень пріятно, когда графиня сообщила ему, что въ Юрьевѣ собирается митрополитъ Серафимъ. Такой чести онъ не ожидалъ и даже относился къ этому событію какъ-то недоувѣрчиво. Это видно изъ слѣдующихъ писемъ Фотія. «Митрополитъ Серафимъ мнѣ 17-го дня прислалъ письмо, въ коемъ пишетъ, что онъ въ іюлѣ будетъ непременно въ Новгородѣ; теперь дѣйствительно надо готовиться къ пріѣзду В.» (18-го іюня 1834 г.). «Такъ какъ ожидаю по твоему слову и письму В. пріѣзда его вскорѣ, то по всему монастырю чистка и уборка идетъ, бѣленіе, крашеніе и прочее все нужное. Желаемъ, дабы все поправилось митрополиту въ обители. Вѣрно онъ вездѣ осмотритъ. Съ великимъ желаніемъ ожидать буду твоего прибытія тѣмъ паче, что митрополитъ говорилъ тебѣ, что будто онъ безъ тебя не поѣдетъ. Пошли узнать отъ него, какъ онъ намѣревается ѣхать, и увѣдомь меня завѣрное» (28-го іюня 1834). «Нужно бъ прежняго обойщика прислать и какихъ-нибудь кресель 12 въ митрополичьи комнаты, не краснаго дерева, а какихъ-нибудь. Нужно исправить кое-что испорченное, а потому и обойщика, ежели можно, прежняго пришли поскорѣ въ монастырь ненадолго». (29-го іюня 1834 г.). Совмѣстный пріѣздъ Серафима съ графиней былъ на руку Фотію, потому что какая-либо погрѣшность

могли служить тебѣ, говорить, что ты слишкомъ мнѣ предана» (20-го мая 1832 г.).

Къ числу своихъ клеветниковъ Фотій причислялъ и нѣкоего арх. Андрея, но онъ считалъ его настолько малосильнымъ, что безропотно принималъ у себя и не выражалъ ему никакой мести. „Ты помнишь, что ар. Андрей двѣ бумаги на меня подалъ, а 29-го апрѣля третью подалъ, дабы меня судить, и захворалъ. Что же? Пришелъ въ монастырь и просился ночевать, а же ему дозволилъ ночлегу, на утро онъ такъ заболѣлъ, что въ келью, ему отведенную, снесли на рукахъ, а послѣ такъ прихудалъ, что исповѣданъ и приобщенъ, и теперь онъ очень труденъ. А можетъ быть дастъ Богъ, что онъ будетъ и живъ. Я къ тому пишу, что какъ Богъ его наказуетъ и что онъ счелъ меня за врага, а я его теперь легѣю и около его приставилъ услугу и все ему въ угодность даю“ (6-го мая 1829 г.).

Однако отъ этого клеветника Фотій скоро избавился. Неизвѣстно, по милости ли Фотія или по инымъ какимъ-либо обстоятельствамъ, но только Андрей былъ высланъ. „Объ арх. Андрѣ скажу, что его со стражею, по выздоровленіи, отправили по указу Свят. Синода въ Тверь“ (1-го іюня 1829 г.).

не так сурово будетъ принята митрополитомъ въ присутствіи графини. Поэтому архимандритъ всячески домогался совмѣстнаго пріѣзда. «Ужели ты не думаешь, не чаешь насъ видѣть 25-го іюля. Конечно, можно о семъ позаботиться тебѣ. Ежели В. не будетъ согласенъ ѣхать безъ тебя, ты ему напиши Бога ради письмо, дабы онъ не ѣздилъ безъ тебя въ Новгородъ, а подождалъ, пока уѣдетъ гость, и чтобъ ты была свободна также пріѣхать, а онъ тебя послушаетъ. Устрой такъ, дабы онъ В. безъ тебя не ѣхалъ. Иначе будетъ ему скучно, и мы не будемъ знать, угостить какъ его и чѣмъ порадовать. Обнадежь меня симъ, что онъ безъ тебя не поѣдетъ въ Новгородъ и увѣдомь; сіе мнѣ нужно и напиши, что тебѣ никакъ нельзя ѣхать до отъѣзда наслѣдника». (6-го іюля 1834 г.). «Ежели В. согласится не ѣхать безъ тебя, то ты къ 25-му іюля уже на нѣсколько дней и не спѣши пріѣхать въ рай, а уже съ терпѣніемъ ожидай, когда уѣдутъ гости и тебѣ можно совсѣмъ пріѣхать и въ то время, когда пріѣдетъ В. въ Новгородъ, то все время онъ будетъ при твоей бытности и для меня все будетъ лучше гораздо. Я говорю къ тому, дабы пріѣздъ В. былъ при тебѣ къ намъ и когда уже гости чужестранные совсѣмъ отправятся» (7-го іюля 1834 г.).

Фотій окончательно готовится къ встрѣчѣ Серафима и со спокойной душой пишетъ графинѣ. «Обитель вся очищена, новое зданіе противу глазъ моихъ все выштукатурено и все выбѣлено, весь монастырь бѣлъ какъ снѣгъ и чистъ, и мы теперь готовы принять не токмо митрополита, но хотя самого царя. Начнемъ уже ждать пріѣзда В. и рады будемъ принять, ибо кажется готовы». (17-го іюня 1834 г.). Дѣйствительно Серафимъ пріѣзжалъ въ Юрьевъ и пробылъ нѣсколько дней. Митрополитъ остался всѣмъ доволенъ и, кажется, надо было жить Фотію съ нимъ въ любви и согласіи, но не тутъ-то было. Вскорѣ на Фотіа снова стали поступать доносы о незаконныхъ дѣйствіяхъ по отправленіи церковныхъ службъ. Пріятное впечатлѣніе о Фотіи изгладилось у Серафима, старецъ митрополитъ сердился, упрекалъ графиню и даже грозился сдѣлать архимандриту служебную непріятность. Фотій ни въ чемъ не признавалъ за собой вины и приписывалъ все личному негодованію на него митрополита. Помимо разныхъ поношеній онъ даже пророчитъ митрополиту скорую смерть, открытую ему будто бы во снѣ. «Снамъ вѣрить будто бы не должно, говорятъ ученые отцы, но бываютъ сны и отъ Бога, какъ во св. писаніи пишется. На сихъ дняхъ мнѣ явился нѣкто во снѣ и гласъ былъ отъ него глаголя: не опасайся, будь спокоенъ. Еще три года будетъ жить. Я тотчасъ помыслилъ, что В. можетъ быть ранѣе не умереть. Я пишу сонъ сей, а не увѣрю; мы можемъ жизнь нашу продолжить и сократить» (23-го іюня 1837 г.).

Вслѣдъ затѣмъ Серафимъ предложилъ Фотію прекратить всѣ тѣ пріавленія къ церковной службѣ, которыя ему вовсе не разрѣшены. По

*

поводу этого Фотій пишетъ графинѣ, что такъ онъ дѣлаетъ уже нѣсколько лѣтъ и бросить неразрѣшенное не собирается. «В. требуетъ, дабы я—все какъ нововведеніе оставилъ: неусынное моленіе, похвалу Богородицы, исправлять полунощницу, часъ первый, третій, шестой, девятый не дѣлалъ, какъ нововведенное, а уже издавна всѣми принятое празднословіе и жительство болѣе мірское, нежели ангельское святое. Престалъ Богу по вся дни служить, приобщаться, безмолвствовать, говѣть, молиться и послѣдовать святымъ въ чемъ послѣдую уже нѣсколько лѣтъ». (3-го декабря 1837 г.).

Однако все кончилось ничѣмъ, все осталось по-старому. Фотій торжествовалъ. «Побѣда на нашей сторонѣ, хотя и критиковалъ В. посланіе и не сознается предъ тобою, что виновать и не смиряется, но видно, что совѣсть его угрызаетъ и въ душѣ сознаеть себя виновнымъ. Первое, что онъ самъ тебя пригласилъ къ себѣ и на волю тебѣ далъ пріѣхать. Второе, какъ въ моемъ посланіи написано, что я вовсе подѣ общія предписанія тебя не подводилъ и не подвожу, то самъ онъ какъ бы себя оправдать хотяй предъ тобою читалъ. Третіе сказывалъ, что напрасно по пустякамъ я огорчаюсь, что будто подѣ наблюденіе викарію отдавъ. Видно ему уже и самому стало меня жаль» (4-го декабря 1837 г.).

А. Слезскинскій.

